

останусь ТЕКСТОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ГРОМКИЙ ТИХИЙ

18+

Громкий Тихий Останусь текстом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48827365

SelfPub; 2019

Аннотация

Дебютный сборник рассказов журналиста и начинающего писателя, работающего под псевдонимом Громкий Тихий. В сборник вошли рассказы и повести, написанные с 2018 по 2019 год. "Останусь текстом" собрал в себе только лучшие работы, набравшие большее количество отзывов и оценок. Содержит нецензурную брань.

Первый человек

Выйдя во двор своего дома, я сразу определил, где стоит такси. Машина светила фарами и тихонько гудела посреди площадки для парковки, сразу видно: неместный.

С неба падал мне на глаза снег, отчего приходилось жмуриться. Периодически подглядывая, я подкрадывался все ближе и ближе к машине. Кроме меня, никого больше на улице не было. Пусто.

Открыл заднюю дверцу и поставил на пол салона большую сумку. Внутри – салаты в контейнерах, шампанское, хлопушки. Мама нагрузила по полной меня. Словно на неделю уезжаю. Свой рюкзак я положил на сиденье. Торт решил держать в руках, чтобы довести в целости.

Я сел на переднее кресло и хлопнул дверью машины. В салоне тепло, но это тепло почти не чувствовалось через толщи пуховика. Пахло мандаринами. Так по-новогоднему. За рулём сидел пожилой мужчина в серой шапчонке и с редкой коллекцией морщин под глазами. Уже целый час как наступил новый 2019 год. Старик спросил, можем ли мы ехать или кого-то ждем. Я сказал, что не ждем.

Мы поехали.

– Ну что, встретил Новый год? – спросил таксист.

– Да, с родителями встретили, сейчас вот к друзьям еду отмечать. А вы?

– А я тоже. Посидели, немного выпил, – тут старичок боком покосился на меня, засмеялся и добавил, – лимонаду.

– Ага.

Мне казалось, что там был не только лимонад. Хотя для меня это было неважно, главное доехать живым. А то я уже планы построил на грядущий год.

– Детского. Вместо шампанского, – добавил дедушка.

– А я тоже не пью. Даже по праздникам. У меня с детства пошло это.

Впереди по дороге шло семь человек. Когда мы подъехали ближе, фары пролили свет на эти фигуры. Школьники гуляли.

– О, молодежь местная, – сказал я.

– Да вообще, семиклассники какие-то.

– А мы раньше тоже по молодости так ходили, круги нарезали по гарнизону.

– Да все так по-моему ходили. Я помню, до утра бегали. Особенно летом.

Я задумался обо всех годах, что провел здесь, о том, как все поменялось за восемь лет. Сначала праздновал Новый год с семьей, в последние школьные годы – с одноклассниками, затем с друзьями, кто остался после школы. Этот год я праздновал в новой компании. Надеюсь, с ней же я его и проведу.

– А сейчас мы школу закончили, все разъехались по России. В прошлом году из одноклассников тут только я и друг мой остались. Мы как Новый год встретили, прогулялись с ним. А больше никого и нет. Он учится в училище, и их там

на третьем курсе на Новый год в дежурство ставят. Так что в этом году без него встретил. Теперь уже новые друзья появились, по работе.

Тут с правой стороны нарисовалась моя школа. Я посмотрел на нее, и старые воспоминания вновь нахлынули.

– Даже, когда в школу прихожу, ученики уже другие, учителя другие. О нас никто и не помнит уже, – закончил я с грустью.

Тем временем мы выехали из гарнизона на трассу. В полной темноте нашу тишину разбавляло «Радио Шансон». Начинался выпуск новостей.

– Сегодня у нас в студии Андрей Кузнецов. Здравствуйте. Жителей Магнитогорска попросили отказаться от праздничных фейерверков и салютов в Новогоднюю ночь. С такой просьбой к людям обратилась администрация города, где взрыв газа обрушил подъезд жилого дома. Также жителей попросили не верить в слухи о сотнях погибших и не реагировать на провокации мошенников о сборе средств на помощь пострадавшим.

У дедушки в кармане мелодично зазвенел телефон. Не торопясь, он одной рукой расстегнул грудной карман на куртке и ответил на звонок:

– Да, Санёк, – радостно. – С новым, с новым счастьем! Как ты там? Пьешь, нет? Водку жрешь? А? Да можно. Хе хех. Всё ясно... Ну не увлекайся, так, грамм по двадцать, не больше. Не больше. Кхех. Да я вот поехал. В город еду. Всё,

давай, давай.

Спрятав телефон обратно, таксист повернулся ко мне по-лубоком.

– Друг. После инфаркта. Ха хах. Сижу, говорит, бабушка на работу ушла, а я сижу, водку пью. Да я, говорит, так, чуть-чуть по капельке, хах хах. Менты там что ли?

Впереди за мостом, к которому мы только что подъехали, мигали красно-синие огни. Ведущий закончил рассказывать новости и перешел к курсу валют.

– Ты слышал, я ему говорю, давай по двадцать грамм, не больше. На рыбалке он рыбачил, да вдруг зажгло в груди. Кхм, кхм. Домой пришел, лег, да как начало жечь. Боль, говорит, страшная. Медичка пришла. Инфаркт. Отвезли в город.

– У меня бабка иногда в лес по грибы уходит. – Добавил я. – Говорит, успокаивает ее уединение с природой.

– Ну оно видишь шо, движение – это жизнь. В это время надо ходить.

Мы проехали по мосту и в самом конце увидели полицейскую машину. А рядом еще одну, с большими вмятинами в боку. Для кого-то этот год начался не так хорошо. Главное, чтобы он и не закончился так. Хотя кроме полицейских больше никого не было видно.

– О, действительно менты. Кто-то кокнулся. В новогоднюю.

– Врач мне там что-то прописал, – продолжал рассказы-

вать дедушка, – у меня только зашепелявит, я покапаю, выпью. Он говорит, надо ходить больше. О, как врезались.

– У меня родители недавно на парковке ехали, так им в бочину въехали. Женщина поворотники не включила, виноватой осталась. А я же в этом году на права ходил, так с нами в группе парниша был молодой, только 18 стукнуло. Катался с друзьями на машине, на пассажирском сидел. Разворачивались в неположенном месте, в них врезались. Умер тот парнишка. Так на права и не отучился.

На этой грустной ноте наш разговор угас. Дальше мы ехали в тишине. Впереди замелькал светофор, признак того, что мы подъезжаем к городу. Красный.

Таксист затормозил. Всю машину так трясло, словно мы находились внутри вибрирующего телефона. Впервые я с таким столкнулся. Хотя за несколько лет на каких только машинах мою задницу ни катали.

«Вот бы и мне такую работу как у Деда Мороза – сутки через 364. Радио Шансон», – прозвучало из магнитолы.

«Ага, и зарплату ты будешь получать за один день», – подумал я.

Теперь мы уже ехали под песню Владимира Высоцкого – Дом Хрустальный.

– Ну что, где тут эти дома? – спросил водитель, когда мы уже подъезжали.

Я смотрел на маршрут в навигаторе и пытался понять, как далеко нам до поворота.

– Вроде бы дальше, – неуверенно промямлил я.

– Ну вот где машина сворачивает?

– Дальше.

Как только мы проехали метров двести, я понял свою ошибку:

– Всё-таки это были те дома.

Пока таксист разворачивался, я набрал номер Валеры:

– Алло, ну всё, я уже около дома. Ты спустись ко мне, помоги сумку занести. Ну у меня сумка, рюкзак и торт. Все, мы во дворе. Давай.

Я вышел из машины, так как кошелек был в рюкзаке. Тут из двери подъезда уже вышел Валера. Я достал сумку, отдал ему. Достал из рюкзака тысячу рублей.

– Держите.

– Ну, с Новым годом тебя! – сказал дедушка.

– Счастья вам! – ответил я, забрал торт с сиденья и хлопнул дверью.

Мы зашли в подъезд и поднялись на второй этаж.

«А ведь это первое мое знакомство в этом году», – подумал я.

Год начался.

Голубь

В этот день Андрею исполнилось шесть лет. Это был не просто день, когда его забрасывали подарками и поздравлениями, когда родители прощали большинство капризов, по-

винуясь желанию своего чада, и когда в торте торчали за-
жжённые свечки, словно солдатики, ожидая, пока генерал
Именинник снесёт им огненные головы; нет, этот день был
прямым доказательством того, что Андрей стал достаточно
взрослым, чтобы в сентябре пойти учиться в первый класс.
Теперь он достоин того, чтобы вступить в клуб школьников
и узнать, что такое дневник и перемена, домашнее задание и
парта, уроки и классный руководитель.

Но главная особенность именно этого Дня рождения за-
ключалась в том, что сегодня сбылась его давняя детская
мечта – Андрей впервые побывал в настоящем парке аттрак-
ционов! Столько раз он видел по телевизору счастливые ли-
ца детей, которые каждый раз, скатываясь с горки, тяну-
ли вверх руки, словно поклоняясь великому богу детства.
«Неужели у них у всех день рождения?», – спрашивал себя
Андрей. Он всегда думал, что в парк ходят только по осо-
бым случаям, ведь если посещать его каждый день, то к че-
му, в конечном счёте, стремиться? Для чего стоит вести себя
хорошо, доедать манную кашу по утрам и помогать маме?
Мечты нужны не для того, чтобы исполняться, а чтобы люди
стремились к их исполнению. А если твоя мечта исполняет-
ся каждый день, то мечта ли это?

Так как Андрей ещё не успел обзавестись друзьями в но-
вом городе, праздновать свой день рождения ему пришлось
с мамой. Папа в это время был на работе, хотя, точнее, рабо-
та была на нём – сидела на шее, как старуха на Хоме Бруте.

Но, несмотря на отсутствие компании, день рождения проходил просто сказочно. Люди думают, что в рай можно попасть лишь после смерти, но это заблуждение. Детство – вот тот самый рай, в котором бывали многие. Просто они об этом забыли.

Когда же Андрей с мамой вышли из парка и направились в сторону остановки, солнце начало клонить к горизонту, словно большая красная черепаха медленная, но верно идущая к финишной черте. Всюду по дороге проносились машины – это папы возвращались с работ к своим Андреем. Из ближайшего кафе слышался лёгкий джаз, который ложился фоном поверх разговоров посетителей, занимавших столики на открытом воздухе.

У пешеходного перехода Андрей представил себя за рулём гоночной машины. Сейчас загорится на светофоре зелёный, и он оставит своих соперников наедине с пылью, а сам будет лететь к кубку победы. Он уже завёл двигатель, вцепился крепко руками в невидимый руль и занёс ногу над педалью газа, ожидая сигнала. Он обязательно будет первым, ведь у него сегодня праздник. Сегодня он главный.

– Ну, давай, давай, – шептал гонщик.

С его стороны улицы уже начал накапливаться народ – соперники. И кто же тут у нас? Молодая пара, не замечая никого вокруг, обнимались, сливаясь одно целое (вот умора: вдвоём в одной машине сидят и смотрят лишь друг на друга, а за дорогой кто будет следить?). Справа от них качал-

ся с ноги на ногу важный дядя с портфельчиком и чёрной шляпкой с загнутыми кверху краями, точно не чемпион, с таким толстым пузом далеко не уедешь. За Андреем стояла ещё мамаша с розовой коляской и разговаривала по телефону, ну какая тут победа? В гонках нужно сосредоточиться на финише, а не болтать о том, какой кухонный гарнитур лучше подходит под обои. Из всех них лишь один прохожий мог лишить именинника первого места – молодой человек в наушниках и с рюкзаком за спиной (там у него, наверное, нитро ускоритель). Взгляд парня был зафиксирован на светофоре, и ничто в этом мире не могло отвлечь его. Андрей приготовился к заезду.

Но все планы на победу разрушила одна простая фраза, наизусть выученная каждым родителем и знакомая каждому ребёнку:

– Давай руку, сейчас будем дорогу переходить.

Это был полный провал, ведь Андрей хотел проехать на легке, а тут придётся ещё маму прицепом тащить. И вот загорелся долгожданный зелёный, все пешеходы устремились вперёд. Андрей изо всех сил тянул маму к победе, но она, видимо, была не заинтересована в кубке чемпионов. Лёгкая победа досталась парню в наушниках (даже не пришлось использовать ускоритель, спрятанный в рюкзаке).

Когда наконец-то Андрею удалось довести маму до финиша (пришли они предпоследними, за ними завершила заезд мамаша с коляской), он краем глаза заметил какой-то клочок

перьев на дороге. Присмотревшись, мальчик увидел раздавленную птицу. По резким (но безуспешным) взмахам крыла Андрей догадался, что комочек ещё жив.

– Мам! Ма, смотри, тут голубь умирает!

Взглянув на появившуюся из-под перьев кровь, мама скорчила недовольно-презрительную мину, взяла сына за руку и повела в сторону:

– Фу, не смотри туда, – сказала она, уводя именинника от птицы, – вон, гляди лучше, какие мыльные пузыри запускает девочка.

Символ мира, раздавленный бездушной и жестокой машиной, остался доживать свои последние мгновения жизни на асфальте. Многие проходящие мимо вообще не замечали жертву научно-технического прогресса, спеша скорей по своим важным делам. Те же, кто замечал голубя, тут же отводили взгляд в сторону и, забыв через минуту об увиденном, присоединялись к остальным людям.

А мыльные пузыри и правда были красивые. Некоторые большие (папы), затем средние (мамы) и маленькие (Андрюши). Девочка усердно старалась, дую в трубочку. Кажется, она наполняла пузыри не воздухом, а теплом детства (может, поэтому все любят смотреть на мыльные пузыри?). Андрюша раскрыл рот, и маленький пузырёк попал в пещерку, с пола и потолка которой торчали беленькие зубки-сталагмиты и зубки-сталактиты. Какой вкусный попался! Нет, воздух имеет совершенно другой вкус. В пузыре определённно было

детство.

О чём он думал несколько минут назад? Что-то он увидел на дороге. Вспомнив, Андрей спросил у мамы:

– Ма, а если я не буду на птичку смотреть, она будет жить? Ответа он не получил.

Дневник

«Дорогой дневник! Сегодня был самый ужастный день в моей жизни! Даже рассказывать не хочется. Кароче я сегодня утрам проснулся (спать хотелось ваще жуть) и начал собираться в школу. Сегодня было 5 уроков! Первой была география. У нас была новая училка. Вроди норм. Но спать хотелось. Затем была литиратура. Нужно было рассказать стих. Получил три патамучто забыл слова. Третьей была физра. Мы играли в футбол с пацанами, а девачки в валеЙбол.

Потом мы пошли кушать. Сегодня была гречка. Нинавижу гречку. Но зато была вкусная катлета. Я съел тока катлету. Потом мы пошли на музыку. Я играл с пацанами в карты патамучта нам было скушно, а училка тупая поставила нам двойки и написала замечание в дневник. Овца. Последним был русский язык. Самый мой не любимый предмет. Я сидел и сматрел в окно. Там светило солнце и мне хотелось гулять. Под конец я уснул на парте.

После школы я хател заговорить с Катей и провадить ее домой. Но она ждала подругу с другого класа и я ушел с пацанами. Мы катались на качелях, а патом играли в дагонялки. Я бежал за Пашей, он прыгнул через калесо. Я тоже прыг-

нул, но зацепился нагой и упал. И у меня порвались штаны. Я сижу и мне хочится плакать. За что так со мной жизнь?

Хорошо, что сейчас дома никого нет и мама с папой не знают про тройку, двойку и штаны. Мне надо идти на плавание, но так не хачу. Ладно, я пошел».

***

Шестиклассник Коля закрыл свой дневник и открыл тумбочку. В тумбочке стопками стояли учебники, рабочие тетради и разные книжки. Между стенкой и дальней стопкой книг был небольшой проем. Именно там и хранил свой личный дневник школьник. Чтобы никто не нашел. В дневнике он старался описывать весь свой день. Чаще всего Коля брался за дневник, когда хотел рассказать что-то невероятно хорошее или несказанно плохое, так как не все свои тайны он мог доверить друзьям. А дневнику он всегда доверял. К тому же в те дни, когда Коля был расстроен или зол, дневник помогал ему пережить беды. Как и сейчас. Убрав дневник и закрыв тумбочку, Коля почувствовал, что ему стало легче. Все проблемы с оценками и Катей остались в тумбочке вместе с дневником.

«Чёрт, уже полтретьего!» – подумал Коля. Через час у него начиналось занятие по плаванию. Нужно было выбрать: покушать и опоздать, либо прийти вовремя и голодным? Вариант с покушать Коле нравился больше, тем более что его желудок уже давно переварил школьную котлету.

На холодильнике его ждала записка: «В холодильнике

борщ, чтобы оба поели! Мама». Борщ был вкусным, но к большому сожалению Коли, дома закончилась сметана. Пришлось есть без сметаны. От майонеза Колю тошнило. Раньше он всё ел с майонезом: казалось, даже чай с ним пил. А потом стало противно. Видимо, с любовью к майонезу Коля перестарался.

Доев тарелку борща, Коля стал подумывать над второй, но время поджимало. Он итак опаздывал. Быстро переодевшись, взяв рюкзачок с одеждой, шестиклассник вышел из дома.

***

Вернувшись домой, Коля стал думать: делать уроки или пойти гулять? Родителей все еще не было дома, так что о двойке они и не подозревают. Но вот потом, когда вернутся, они могут запретить Коле гулять. Поэтому стоило пойти сейчас. С другой стороны, когда они узнают (а они в любом случае узнают), они первым делом скажут делать уроки. А тут, – бах! – а он уже сделал! Какой молодец! Может и погулять разрешат. В любом случае, сделать уроки лучше, чем их не сделать. А если сделать уроки быстро, то можно будет и успеть погулять.

На том и порешив, Коля сел делать уроки. Самое трудное в этом деле – это сконцентрироваться. Вот и сейчас, вместо уроков Коля решил открыть дневник, чтобы записать, как прошло занятие. Открыв дневник, он уже достал ручку, но тут обнаружил, что последняя запись была написана не им.

Почерк был другой. Запись гласила:

***

«Дорогой Коля! Я знаю, ты будешь сильно удивлен тому, что я решил написать тебе. Но просто у меня уже нет сил это терпеть. Я каждый день выслушиваю твои жалобы на жизнь! То двойку получил, то Катя с тобой не поздоровалась, то ты не выспался. Самому не надоело? Ты почитай свои записи за последние полгода! Ужас просто!

Но знаешь, что больше всего мне не нравится в этих историях? То, что ты даже не думаешь меняться! Ты не думаешь о том, чтобы лучше учиться и не получать двоек. Это что, сложно? Ты только посмотри, как ты пишешь! Столько ошибок, аж жуть! Или ты думаешь, что раз пишешь в личный дневник, то можно забыть про орфографию и пунктуацию? Хоть бы словарь в руки взял, да проверил, правильно ли ты слово написал. А потом он еще жалуется! Думаешь, я не знаю, как ты уроки делаешь? Ты сам мне все рассказываешь! Как ты пишешь, как на уроках слушаешь. Так что можешь даже не оправдываться!

Не высыпаешься? Потому что до ночи играешь в компьютер! А иногда даже встаешь перед школой пораньше, чтобы поиграть. И после этого ты говоришь мне, что у тебя нет времени поспать? Нормально, нет? Так что я больше даже слышать не хочу про то, как ты не выспался!

Ну и теперь самая главная тема последних двух месяцев – Катя. Вот ты столько тут про нее пишешь, а ты хоть раз

сам с ней пытался заговорить? Не строить свои гениальные планы, мол, что сказать, как себя вести или как сесть с ней за одну парту. Ты много времени тратишь, думая о ней. А ты вот попробуй завтра сам к ней первым подойти и поговорить! Спросить, как ее дела, как ей в вашей школе и в городе. Пригласи погулять! Будь смелей! И прекрати только жаловаться и больше ничего не делать!

Ты понял меня? Итак, вот тебе список дел на завтра:

1. Написать запись в дневник без ошибок.
2. Сделать самому все уроки.
3. Поговорить с Катей.
4. Лечь спать в 23:00.

Завтра жду от тебя отчета! Что получилось, а что нет. И не парься, у тебя всё получится! Я же твой дневник, я знаю тебе лучше всех! Так что можешь довериться мне!

И напоследок. Слушай, мне порядком надоело то, что ты хранишь меня в тумбочке. Там темно и страшно. Если честно, я давно уже хочу в какое-нибудь более светлое место. Не мог бы ты меня поставить на полку? Хотя бы на один денек! Буду благодарен.

И пожалуйста, не пиши карандашом, он больно царапает мне страницы. До завтра!

Твой дневник».

***

От прочитанного Коля чуть со стула не свалился! Дневник! Разговаривает! С! Ним! Его дневник, которому он до-

верял все тайны и секреты, которому он рассказывал то, о чем не знали пацаны с класса, о чем не знал даже старший брат Максим. И теперь этот же дневник отчитывает его за все его записи и поступки! Как такое возможно?!

На предыдущей странице, где была последняя запись Коли, всюду начиркано красной ручкой: каждая ошибка перечеркнута, а сверху написан правильный вариант. Ошибок было больше, чем просто много.

Коля покрутил дневник со всех сторон в поисках примерных глаз или рта, пару раз постучал по нему в надежде, что тот что-нибудь произнесет. Тишина. Тогда Коля открыл страницы и, поднеся дневник к лицу, сказал в страницы:

– Привет! – Дневник молчал. – Аууууу! Здравствуйте! Есть тут кто? Ау! Меня слышно? Это я, Коля, твой хозяин.

Никакой реакции. Дневник был просто дневником. Без признаков жизни.

Тогда до Коли дошло: это же дневник! Он, наверное, не слышит человеческих речей. С ним надо общаться на его языке – при помощи ручки и бумаги. Взяв ручку, Коля раскрыл дневник, но так и не решил: что написать? Что можно ответить в такой ситуации?

***

«Привет, дневник! Я ни знал, что ты умеешь писать. Как ты пишешь? А ты умеешь разговаривать? Я никаму не раскажу. Чесна».

***

Ничего другого Коля придумать не мог, ибо был сильно шокирован. Мало того, что с ним заговорил его же собственный дневник, так он стал еще и условия ему диктовать! Мол, мне в тумбочке темно, а ты Коля виноват. Но в глубине души Коля сознавался сам себе: дневник прав. И это неудивительно, учитывая, что дневник знает о Коле совершенно всё. Но как дневник понял, что он в тумбочке? Как понял, что у Коли есть полки, на которых падает свет с окна. У него же нет глаз, а о таком Коля не писал в дневник. Следовательно, дневник умеет как-то видеть. Только как?

Весь оставшийся день Колю то и дело мучали эти вопросы. Поначалу мальчик боялся дневника, ибо раз он живой, то вдруг может сам ходить? Или говорить? А вдруг он рассказывает кому-то Колины тайны? Однако в послании дневника не было ничего враждебного, так что поводов для беспокойства пока нет. Тогда Коля начал мечтать о том, чего он сможет добиться с таким дневником. Страницы – это как поле для общения с новым другом. Такой своего рода чат для переписок. Коля представлял, как дневник, давая ему мудрые советы и наставляя, становится его лучшим другом. Коля решил, что с другом, знающим все твои секреты, нужно иметь хорошие отношения, поэтому на одну ночь дневник был отправлен не в тумбочку, а на полку, как и просил.

Ночью Коля не спал. Буквально каждые полчаса, он вставал с кровати, включал лампу и открывал дневник на наличие новой записи. Но, к большому разочарованию, там было

пусто. После шестой проверки Коля уснул.

***

Утром никакого ответа от дневника не было. Коля расстроился и пошел в школу без настроения.

«Может, показалось? – Рассуждал он. – Но прошлая запись от дневника осталась же! Значит, это не сон. Но почему он не ответил мне?».

На уроке русского языка шестиклассника осенило.

***

«Здравствуй, дорогой дневник! Я всё сделал, как ты и говорил. Вчера я лёг спать в 23:00. Правда, я не сразу смог уснуть, но я выспался. Честно.

Утром я проснулся и пошёл в школу. В школе я встретил Катю. Сначала я волновался, но потом подошёл и поздоровался с ней. Она мне улыбнулась! На уроках было скучно, только на ОБЖ нам показывали крутые видео про самооборону. А ещё сегодня был день рождения у Максима Славина – он принёс каждому по чокопайке.

После уроков я увидел Катю, которая смотрела на завтрашнее расписание. Я сначала побоялся подойти к ней и сделал вид, что тоже смотрю расписание.

– О, у нас завтра нет биологии! – сказал я.

Катя сказала, что учительница по биологии уезжает куда-то. Мы начали обсуждать домашку по математике на завтра. И пошли домой. Я рассказал ей про плавание, а она сказала, что ходит на шахматы. Я попросил ее научить меня иг-

рать в шахматы. Она пообещала. Я проводил ее, и она пошла домой. Сейчас я сделаю уроки и пойду гулять. Ответь мне, дневник, пожалуйста».

***

Перед тем, как перенести запись в дневник, Коля написал ее на черновике и попросил брата проверить на наличие ошибок. После того, как брат дописал несколько запятых, Коля перенёс запись в дневник. Его интерес к оживленному дневнику заметно упал после вчерашнего дня, но у Коли еще оставалась надежда, что дневник ответит после того, как он выполнит все его задания.

Последним заданием было сделать все уроки. Выполнив его, Коля отправился гулять с ребятами. Сегодня они собирались поиграть в догонялки на гаражах.

– Я пошел! – крикнул маме Коля и закрыл за собой дверь на ключ.

Максим смотрел в окно, выходящее во двор дома. Вот выбежал маленький Коля и побежал к ждавшим его мальчишкам. Вся их делегация отправилась в соседний двор.

Как только фигурка Коли исчезла из виду, Максим отправился в комнату брата. Открыв тумбочку, он наощупь достал дневник, спрятанный у стенки. Открыв дневник, Максим даже не стал читать Колину крайнюю запись: он уже видел ее, когда брат попросил исправить ошибки. Взяв ручку, Максим написал:

«Здравствуй, Коля...»

Тело

Тишину в комнате прогнал голосащий будильник. И так каждое утро. Восемь утра. Выключить его не так просто: я использую специально приложение, которое не заткнет будильник, пока ты не решишь правильно три математических примера. У меня не всегда получается это сделать с первого раза, всё-таки мозг с утра не готов к работе. Но обычно я не трачу на будильник больше двух минут.

Просыпаясь утром, я вижу лежащее на кровати напротив тело. Секунд пять тело, расширяясь, надувается, пока не достигнет предела, а затем ещё три секунды сдувается. И по новой. Оно всегда спит в это время. Это тело очень огромное, гораздо больше моего. Сейчас оно молча спало лицом к стене. Если что-то в комнате будет шуметь, то тело просыпается, приоткрывает один глаз и осматривает помещение в поисках источника звука. Если источником являюсь я, то тело начинает ворчать, поэтому я собираюсь быстро и тихо, словно вор. Но от моего будильника огромное тело не просыпается, привыкло уже.

После пробежки я завтракаю хлопьями с молоком, и к этому времени тело из моей комнаты просыпается, если только сегодня у него не выходной. Я одеваюсь и уйду на занятия в университет. В университете мне встречаются разные тела, но есть несколько знакомых мне, с которыми провожу время на занятиях. Вместе с ними я всегда жду другое тело, которое будет нам что-то рассказывать. Мы так уже второй год

проводим по одному и тому же сценарию. Нам что-то говорят, мы что-то слушаем. Телá называют это обучением, мол, так мы получаем высшее образование. Но за два года я выше не стал, образованности тоже не прибавилось. Наоборот, появилось ощущение, будто я не только ничего не получил, но и отдал своё. Время и силы.

В автобусе есть телá, которые платят, и тело, которому платят. Иногда мне получается обмануть последнего и прокатиться бесплатно. Но больше всего меня бесит, когда в автобусе много тел, тогда приходится толкаться, пропихиваться, при этом кто-то обязательно зацепится за мой рюкзак.

Телá бывают разных размеров и форм. В целом они похожи, но если присмотреться получше, можно найти много отличий, даже если производитель у тел был один и тот же. Когда тело приходит в негодность, его помещают в коробку и закапывают. Так у них принято. Хотя есть и другие способы избавиться от телá, например, сжечь. Говорить о том, куда делось содержание телá, у них не принято. Чаще всего тело закапывают, если у него закончился срок годности, но, бывает, что причиной негодности телá является поломка.

Когда телá только-только появились, им никто не объяснил, что нужно делать. И им пришлось придумывать себе назначение самим. Как показало время, для тел это самое трудное – думать. Лучше бы, если кто-то придумал, а телá бы сделали. Поэтому многие телá верят в того, кто их создал и делают то, что он якобы им говорит. Правда это или нет,

не важно, главное, что эти телá нашли себе функции и стараются их выполнять. Те телá, которые не верят в создателя, выкручиваются сами. Так у тел появилась традиция: придумывать самим себе правила, самим их исполнять и самим наказывать тех, кто эти правила нарушает.

Вот здесь и начался хаос. Кто вообще должен создавать правила? Почему одним можно придумывать, а другим нельзя? Почему я должен соблюдать правила, которые придумали другие телá? Почему одним можно нарушать безнаказанно правила, а другим нельзя? Эти и другие вопросы стали возникать. И тогда телá начали делиться на группы и уничтожать себя: сначала одна группа уничтожала другую, но и этого было мало, телá стали уничтожать друг друга и внутри групп. И до сих пор так происходит.

Возможно, когда-нибудь появится кто-то и расскажет телám, что нужно делать и по каким правилам жить. Но, мне кажется, это не спасёт ситуации: во-первых, они уже потеряли надежду на это, во-вторых, некоторые из них уже привыкли намеренно идти против правил.

Сейчас многие телá считают, что правил вообще нет и каждый может делать всё, что хочет. Лишь бы другим не мешал.

Я каждый день живу среди тел. Или это телá живут среди меня, я пока ещё не понял. Некоторые телá я знаю по лицам, остальных даже не запоминаю. А ещё у тел есть названия, чтобы отличать одно от другого. Бывает такое, что у разных

тел одинаковое название. Или, наоборот, у одинаковых на первый взгляд тел разные названия. Названия телá получают от других тел, которые их делают. Так принято.

Когда мы только познакомились, она была для меня таким же телом, как и многие другие, похожие на неё. Собственно, она мало чем от них отличалась. Но именно с ней почему-то я стал общаться. Обычно она рассказывала о том, как прошёл её день, а я ей пересказывал свой. Спустя пару месяцев она стала для меня чем-то бóльшим, нежели просто телом. И я стал другим в её глазах. Нам уже не нужно было рассказывать, как проходили наши дни, потому что мы стали часто их проводить вместе.

Бывает такое у тел: одно тело находит себе другое, и им уже не так важны остальные телá. Они даже иногда называют себя половинками одного телá, хотя на самом деле это не так. Телá могут потом разойтись, если понимают, что половинкой быть круче, чем единым целым. Тогда они оправдываются тем, что половинка оказалась не та. Бред. Ищут другую.

Я не считал нас половинками, но вместе мы чувствовали себя иначе. Раньше вокруг меня были только одни телá, а тут – человек. Свой человек. Как будто смотришь фильм, где все в чёрно-белом цвете, но тут находится единственный цветной персонаж. Причём цветной он только для тебя. Точнее не для тебя, а из-за тебя, ты сам его раскрасил в яркие цвета. И человек тебе ответил взаимностью.

Я посвящал большую часть времени человеку, потому что человек роднее, чем какие-то телá. Человек теплее тел. Человек важнее тел. Все вокруг меркло на фоне с ним. Словно посреди океана найти остров, на котором хотел бы остаться навсегда. Остров, на котором нет других тел.

Но через несколько месяцев что-то пошло не так. Трудно сказать что, но человек стал терять прежний, яркий цвет. И если раньше он выделялся в толпе, то теперь стал сливаться с другими телáми. Выцвел видимо. А я просто смотрел, как с каждым днём человек превращался в тело. Теперь у каждого из вас был свой день, как и раньше, только вы больше не делитесь ими друг с другом. Вы вообще перестали общаться.

И это тело ушло из моей жизни. Не сказать, чтобы было очень грустно, особенно когда в твоей жизни стали появляться новые телá. Некоторые даже пытались прикинуться человеком, но их выцветшую натуру было легко заметить со временем. Но каждое тело хотело быть ярче другим на этом темно-сером фоне реальности. Местами и я вел себя также.

Прошло уже несколько лет. И мир вокруг меня стал прежним. Наполненным одними телáми.

Недавно шёл себе в наушниках, слушал голоса. Я часто так делаю, чтобы не контактировать с телáми, когда они начинают надоедать. Голоса всегда поднимали мне настроение, даже если были грустные и говорили о плохом. Зато телá запросто могли испортить настроение. Мне кажется, у некоторых это главная задача.

Навстречу мне не спеша, сжимая в левой руке сумочку, а в правой телефон, приближалось тело. Её тело. Я притормозил, даже вытащил наушники. Посмотрел на неё и сказал:

– Привет.

Тело подняло взгляд на меня. Посмотрело в глаза.

– Привет.

Так мы и прошли мимо друг друга. Оно по своим делам, я по своим.

В чужих глазах на пару секунд я увидел тело.

Своё тело.

Разведчики

2016 год. Июль.

– Андрюх, а куда мы поедем?

– На разведку, Антоша.

Каждое лето в деревне запоминалось мне по самым ярким событиям. Каждый год мы придумывали все новые и новые способы хулиганства. И этим летом не обошлось без проказ.

Сидя на подоконнике в заброшенной давным-давно конторе, я глядел в окно (точнее в то, что от него осталось), прислушиваясь к реву мотора. Солнце уже смотрело десятый сон, как и ббольшая часть населения деревни, та самая, что завтра, проснувшись рано утром, отправится с тятками воевать с вредителями в огороде. Нам же было не до сна, потому что именно в эти часы мы могли делать все, чего пожелаем. А желали мы приключений.

– О, походу Колян едет, – сказал мой спутник Андрей.

***

С Андреем мы познакомились лет в пять, если не раньше. Так случилось, что наши бабушки живут напротив друг друга, и, приезжая к ним летом, мы часто коротали вместе дни. Мы лазили по крышам домов, прыгали по стогам сена, катались с горки. В детстве мы брали палки и отправлялись в небольшую рощу. По нашей прихоти сегодня палки играли роли мечей и сабель, а завтра это уже были пистолеты и автоматы. Еще мы любили в роще срывать кору с берез и писать на ней письма друг другу. И как у лучших друзей, у нас была традиция: каждый год мы ставили палатку, покупали еды и целую ночь болтали по душам, пока не засыпали. Каждое лето мы всегда проводили вдвоем у бабушек.

***

Помимо него мне составлял компанию толстый парень по имени Никита, который по комплекции тела напоминал хомяка или мышку, и Глеб, строчивший сообщения своей девушке.

Никита был самым младшим в нашей компании, ему всего-то было лет двенадцать. Одет он в эту ночь в черный спортивный костюм с белыми полосками вдоль рук и ног. Если вы услышите слово «гопник», то на экране вашего стереотипного мышления появится человек именно в таком костюме. Но Никита к гопникам не относился. В душе он был весьма добрым, честным (неиспорченным?) ребенком и одной ногой пока еще стоял в детстве, а вторую уже перекинул че-

рез забор, ступая на почву взрослой жизни. Он из разряда тех людей, к которым я тянулся с дружеской теплотой, словно Никита был моим младшим братом, за которого я нес ответственность всегда и везде. Он обладал лишним весом и постоянно заикался, из-за чего я в первые дни нашего знакомства не мог понять, о чем он говорит. Год назад, гуляя с ним по улице в один летний солнечный день, я, после долгих внутренних сомнений и споров с самим собой, все же решился задать ему интересующий меня вопрос.

***

– Слухай, Никитос, а почему у тебя такие дефекты речи?

– Ты про то, что я заи-и-и-каюсь?

– Да.

– Ко-о-о-о-гда я был мал-о-ой, меня бра-а-а-ат взял с собой на-а-а-а речку. Он ку-у-у-пался, а я на берегу си-и-идел. А потом он на-а-а-чал тонуть, а я тогда не умел еще пла-а-а-вать. И брат то-о-о-о-огда у меня на глазах у-у-у-тонул.

Честно говоря, история Никиты меня сильно шокировала. Сам я редко сталкивался с таким явлением, как потеря близкого человека. Конечно, и в моей семье люди умирали, но это было в таком возрасте, что никто из взрослых и не удивлялся их смерти. А тут... После этого разговора, я начал по-другому на него смотреть. Ведь вы даже представить не можете, сколько всего не знаете о людях, с которыми можете общаться годами.

– А сколько брату лет было?

– Семь.

***

Еще одна причина, по которой я относился к Никите, как к брату, – это сходство с моим родным братом. Его тоже зовут Никита, и он тоже страдает избыточным весом. Но, несмотря на теплое и дружеское отношение к обоим Никитам, я никогда не упускал возможности над ними пошутить. Мне все чаще кажется, что смех – единственная форма общения, которой я владею в совершенстве. Иногда даже ко мне приходит в голову мысль о том, что если бы в мире не существовало шуток, то я бы родился немым.

– Никитос, – обратился я, – у меня есть для тебя бизнес-план.

Осмотрев взглядом (хотя, что там в темноте увидишь!) обшарпанные стены, грязный стол с отпечатками подошв (приблизительно сорокового размера), разбитое окно, скрипучую дверь и пылившийся в углу деревянный сундук, я продолжил:

– Короче берешь, выгребаешь отсюда все дерьмо, отбеливаешь стены и обустройстваешь здесь пятизвездочный отель. Над входом повесишь табличку «В гостях у Никитоса». Комнаты эти переделываешь под номера, чтобы люди могли жить нормально, и начинаешь капусту рубить.

– А потом приходит Семеныч и все отбирает, – засмеялся Глеб. Семенычем у нас звали главу села, который и гонял нас постоянно из конторы.

– Ну да, – задумался я, – и меняет табличку. «В гостях у Семеныча».

***

Каждый год, видя Глеба, я спрашивал у него, сколько ему лет и в какой класс он пошел, и каждый раз удивлялся ответу. Пятнадцатилетний парень в вопросах сигарет и алкоголя был гораздо опытней меня. Я в этой теме полный ноль, ибо спирт и табак для меня являлись запретной территорией с табличкой «Terra Incognita», куда ходить не разрешало табу, наложенное племенем порядочных тараканов в голове. А Глеба всегда в деревне посещала матушка Кураж. Видимо, тараканы у него не те (но это не мешало нам дружить). Прошлым летом мы, сидя с ним на берегу реки, завели разговор:

– Слышь, Антоха, ты хоть раз напивался?

– Неа.

– И не курил?

– Тоже мимо.

– Тогда мне не о чем с тобой говорить.

Мы синхронно засмеялись.

– Я начал курить в пятом классе, – продолжил Глеб, – вот идешь со школы, получил, к примеру, двойку по контрольной. Перед тем, как зайти домой, закурил и все. Родители тебе что-то говорят, а ты не слышишь. Как будто вообще не здесь находишься. Помогает...

***

Рев мотора заглох. Коля приехал.

Выйдя из комнаты, мы прошли по длинному коридору, слева и справа от нас располагались двери в другие комнаты. Теперь там можно было найти лишь хаос, в виде разбросанных по полу бумаг, книг, отчетов и докладов. А еще там воюет мочой.

Сопровождаемые светом фонарика мы спустились на первый этаж и через коричневую дверь покинули здание. Внешний мир приветствовал нас свежим воздухом, ночным небом и стоявшим возле крыльца мотоблоком с прицепленной к нему тележкой. Возле данного вида транспорта (наше такси на ближайшую ночь) стоял его владелец – Колян, неподалеку от него терся Дима. Не раздумывая и не задавая лишних (и глупых) вопросов, я запрыгнул в прицеп и стал ожидать отправления. Меня не очень интересовало, куда мы поедем и зачем, я был за любой кипиш. Главное – получать от этого удовольствие.

– Давайте Дюса подождем и поедем.

– Да он пока свою кишку набьёт, уже утро наступит.

– А че, да давайте до него съездим, так быстрее будет!

Вся наша компания шустро запрыгнула в кузов. В центре него лежала доска, протянутая от правого края до левого, чтобы на ней можно было сидеть. Доска была вроде неудачной пародии на лавочку. Единственный ее минус был в том, что она вмещала лишь троих человек, а я в эту тройку не входил. Поэтому мне пришлось сидеть на борту кузова. За

руль мотоблока сел Дима, ему светил фонариком, освещая путь, Коля, а Андрей, Глеб и Никита устроились на «лавочке». Развернувшись, наша бричка выехала на центральную дорогу села, пассажиров трясло и качало из стороны в сторону, но их веселье от этого не убавлялось.

– Слухай, Колян, – пытался перекрикнуть ветер Дима, – а как мы поедем до Андрея? Нам же придется проезжать мимо твоей бабушки.

Колян, поразмыслив мозгами, тут же дал команду стоп. Мы вернулись обратно.

Как я понял позже, мотоблок был угнан Колей посреди ночи без спроса. Причем угнан был у своей же родной бабушки. А спокойно проезжать мимо своего дома (да еще и с такой оравой в прицепе) было бы полнейшей наглостью. По этой причине нам пришлось вернуться и ждать Андрея возле конторы. А тем временем с каждой минутой близилась полночь. От скуки я начал строить догадки о том, куда мы поедем. Возможно, мы будем просто кататься, но мне почему-то казалось, что наш путь лежит в соседнюю деревню.

– Вон он, едет, – мои мысли прервались.

Таким образом, наша компания, состоящая из семи человек (Я, Глеб, Никита, Дима, Андрей, еще один Андрей (он же Дюс) и Коля), отправилась на поиски приключений за пятнадцать минут до полуночи. А ведь Глебу нужно быть дома ровно в полночь. Но главной проблемой (лично для меня) было то, что двигатель мотоблока рычал, словно тигр, опо-

вещая всех жителей села о нашем местонахождении. Даже с другого конца деревни было слышно, куда мы едем.

– Разведка говоришь? – кричал я Андрею. – Мне кажется, разведчики должны вести себя тихо и не ходить толпой на задания. А мы, похоже, такой бандой едем на штурм. Захватывать соседнюю деревню.

Впереди показалась в свете фонарей фигура, мчащаяся нам навстречу на велосипеде. Глеб, увидев ее, тут же юркнул на дно прицепа, словно щука в воду. Вроде бы только что сидел на доске, а тут бац! и нет человека. Ничего не боясь, но поддавшись инстинкту, я последовал его примеру и расположился возле его ног. Дюс и Никита тоже следовали своим природным инстинктам. Ряды разведчиков стремительно редели на глазах у велосипедиста, активно крутящего педали. Дмитрию деваться было некуда, он за рулем все-таки; Колян тоже не покидал свой пост, освещая телефоном дорогу. Лишь один Андрей отнесся к велосипедисту равнодушно, оставаясь сидеть, как ни в чем не бывало. После того, как ночной велогонщик промчался мимо, я встал и поддал пинка все еще лежавшему Глебу:

– Чего разлегся? Вылазь, он проехал.

– Да это же мой батя был, – ответил мне Глеб, который уже как две минуты назад должен был быть у своей бабушки. Но не судьба.

Параллельно нашему мотоблоку то справа, то слева в домах загорались окна, что свидетельствовало о полном про-

вале нашей разведдеятельности.

– Да тут каждый житель села знает, что мы выехали на разведку, – сказал я Андрею, – вы бы еще объявления расклеили повсюду, мол, в такой-то день, в такое-то время мы поедем на разведку. Большими буквами.

В чем именно заключалась разведка, я не знал, да это и неважно было. Свернув с дороги, мы вышли на какую-то мало протоптанную тропинку, спрятанную от лишних глаз между двумя домами, огражденными заборами. Остановились. Прибыв на место, наша банда разделилась на две группы. Вот тут я и получил ответы на все свои вопросы.

Задача первой группы заключалась в быстрой, молниеносной ликвидации натуральных продуктов с чужого огорода нелегальным способом. Арбузы воровали короче. В это время вторая группа охраняла нашу телегу от захватчиков. Я, Глеб и Никита занялись этим, пока остальные отправились в рейд.

Никитос тут же отошел в кусты, чтобы отлить. Глеб, не скрывая своих намерений, решил сделать то же самое, но даже не стал покидать прицеп. Он просто встал ногами на лавочку и наглядно показал миниатюру «Писающий мальчик».

– Ну что у меня за команда? Они только ушли, а вы уже от страха ссытесь.

К моей шутке парни отнеслись равнодушно: были увлечены своим делом. Покончив с этим, они оба решили посвятить свое свободное время телефонам. Я же свой смартфон

оставил за ненадобностью дома. Чтобы хоть как-то себя развлечь, я решил нарушить наступившее молчание и спросил:

– Никита, ты в какой класс пойдешь?

– В се-е-едьмой. А-а-а ты?

– В двенадцатый, – буркнул Глеб, не отрываясь от экрана.

– Ага. На перевоспитание, – добавил я.

Запрыгнув в бричку, я подсел к Глебу. Он, взглянув на меня, спросил:

– Тебе во сколько домой?

– Да хз, у меня даже не спрашивали, во сколько я приду.

Видимо, от того, что уже восемнадцать есть.

Раньше, год назад, мне ставили ограничения по времени, мол, в чтобы час ночи был дома (Правда, я не всегда соблюдал регламент). Но в этом году все было иначе. Поэтому я чувствовал себя не столько свободным, сколько брошенным на волю судьбы. Появляется ощущение, что ты никому не нужен, поэтому никто и не спрашивает, когда ты вернешься. И кстати, когда тебя не ограничивают комендантским часом, пропадает интерес гулять до утра. Тебе даже не надо придумывать отмазки, мол, где шлялся, с кем и почему так поздно вернулся. Но всем моим размышлениям мешали толпы комаров-людоедов. Шкала скуки давно превысила норму.

– Никитос, сходи, разведай местность, – я осмотрелся вокруг, – вон, может за тем забором огород, так ты еды надыбаешь. А то, пока их дождешься, уже с голоду помрешь.

– Не-е-е, не хо-о-очу.

– Блин, Никитос, ты какой-то непродуктивный.

Но уже спустя несколько минут моего терпения вдалеке появились наши добытчики. Четыре фигуры приближались к бричке.

– А че они с пустыми руками? – запаниковал Глеб.

– Да не, вон в руках у Дюса сумка.

Надо сказать, что сумку распирало от наворованного. В основном она была заполнена арбузами, компанию которым составили маленькие дыни. Семеро голодных парней решили не тянуть с трапезой и оценить качество арбуза прямо на месте. Дима достал нож и начал делить добычу на всех. Резал криво, от того и куски у всех были разными по размеру, но никто не жаловался. Арбуз был не самым сладким, но годным на то, чтобы утолить наш аппетит в начале ночи.

– Корки от арбуза выкидывайте вон туда, в кусты, чтоб днем не запалили, – сказал Дюс. Вот так вот. Мы не мелкие воришки, в нашей организации все было продумано до мелочей. Оушен со своими друзьями аплодирует стоя.

Закончив трапезу, мы собрались в обратный путь. Но так как в прошлый раз мы спускались по тропинке вниз, то теперь придется толкать кузов, чем мы и занялись, пока Дима сел за руль. Я встал сзади, справа от меня упирался руками в доску Никитос, а сбоку толкал Андрей. С нашей помощью бричка понемногу набирала скорость.

– Давайте! Запрыгиваем по одному, – скомандовал я.

Первым залетел в телегу Андрей, следом за ним, закинув

ногу за борт и задев по спине сидевшего внутри Дюса, перевалился в кузов Никитос. Дюс, развернувшись, начал ругать его за неосторожность. Я запрыгивал последним, но и у меня все вышло не слишком гладко: я все же задел ногой Никитоса.

– Это карма! – крикнул я ему вместо того, чтобы извиниться. Вежливость у нас не в чести.

Но далеко уехать не удалось: через пару метров, мотоблок резко наклонился влево, в сопровождении крика Коляна: «Стой, лять!».

– Вылезайте, – сказал он нам, – приехали.

– Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал? – спросил я.

Выбравшись на землю, мы окружили мотоблок. Колян осмотрел колеса со всех сторон, где-то что-то покрутил, сделал умный вид и сказал:

– Надо диски короче снимать.

Открутив спереди болт, наш механик начал снимать два больших металлических диска, которые служили противовесом, чтобы мотоблок не наклонялся назад. Судя по напряженному лицу Коляна, диски были довольно тяжелые. Но с их исчезновением мотоблок стал значительно легче, как и наша задача. Починив транспорт, мы отправились дальше. Только в этот раз уже Колян сел за руль, а Дима ему светил фонариком.

Со всех сторон на нас лаяли собаки, но вся наша компания

не обращала на них внимания. Хотя жителям деревни лай собак, наверное, изрядно действовал на нервы, мешая спать. Особенно в столь позднее время. Обрато мы поехали по грунтовой дороге, расположенной параллельно центральной трассе.

– Никитос, ты домой? – спросил Глеб, когда мы подъезжали к сельскому клубу. В ноци это здание казалось мне еще больше, чем днем. За ним жили бабушка и дедушка Глеба и семья Никиты.

– Ну, – собеседник кивнул головой.

– Тогда сейчас вместе пойдём.

К слову, Глеб уже полчаса как должен быть дома. Проезжая мимо тропинки, ведущей к клубу, Никита и Глеб пожали всем на прощание руки и приготoвились спрыгивать на ходу. Я провожал их словами:

– Высадка десанта! Обратный отсчет: три, два, один!

Две фигуры отделились от нашей экспедиции и скрыли за деревьями, посаженными по разным сторонам тропинки. Остальные мои попутчики не были ограничены комендантским часом. Наше путешествие не заканчивалось, а только набирало обороты.

После того, как мы избавились от толстого пассажира и его компаньона, ехать стало гораздо легче.

– Слушай, Димон, погнали со мной, здесь у забора яблочек нарвём, – предложил Дюс, – а потом их догоним.

Я сразу понял, о каких яблоках он говорит. Во дворе од-

ного дома, мимо которого мы скоро будем проезжать, росло несколько яблонь, куда мы часто ходили, чтобы подкрепить-ся. Одна яблоня была расположена прямо возле забора, от-чего и страдала больше остальных. Хотя самые дерзкие из нас, могли и во двор залезть, ради добычи.

Две фигуры, отличающиеся друг от друга лишь по росту (Дюс был ниже Димы) покинули нас в поисках чужих фрук-тов. Ехать стало еще легче. Я пересел на доску, где как раз освободилось место. Андрей достал свой телефон и начал снимать происходящее. Решил поработать репортером.

– Итак, сейчас мы ведем прямой репортаж с места собы-тий. Наш долгий путь лежит к чужим огородам, хранящим вкусные арбузы. Вот это Коля, наш личный водитель, знает каждую кочку на местной трассе. Это Антоха. Антоха, пома-ши ручкой на память. А там, где-то вдалеке, еще два тела...

– Вон они бегут, – уточнил я.

Две фигуры росли по мере приближения к нам. Андрей решил запечатлеть спортсменов через объектив телефона. Коля при виде преследователей поддал газу, желая оторвать-ся от фигур. Но парни бежали быстрее, чем мы ехали, по-этому спустя минуту мы были настигнуты. Догнав нас, они ловко запрыгнули в тележку. Делиться едой ни Дима, ни Дюс не стали, аргументируя это тем, что они почти ничего не на-шли. Доказывая свою точку зрения, Дюс периодически что-то жевал. Мы продолжили свой путь, глядя на Большую мед-ведицу.

Спать не хотелось никому из нас, ведь ночью у нас началась новая жизнь. Дневная по сравнению с ней ни на что не годилась: помогай в хозяйстве, работай в огороде. Конечно, ночью мы тоже проводили время в огородах, но с совершенно иной целью. Кстати, я заметил, что летом ночью не так уж темно. Лунный свет освещал все вокруг, благодаря чему мы могли рассматривать дома по обе стороны дороги, деревья вдалеке, спящих на поляне коней.

Мы будили сельских жителей гулом мотоблока и своим безудержным смехом, причиной которому могла стать любая вещь на свете. Но большинство шуток, произнесенных нами в пути, были посвящены нашему водителю, не упускавшему ни одной кочки и ни одного кизяка на дороге. После каждого толчка Коля принимался покрывать руганью Диму за то, что не заботится о сохранности транспорта. Мне стало холодно, может, действительно похолодало, а, может, это от того, что я уже минут двадцать ничего не делал, лишь сидел на доске, обдуваемый ветром. Надо было жилетку все-таки взять. Хотя и в этом равнодушно-холодном ветре был большой жирный плюс: он оберегал нас от назойливых (и таких же голодных, как и мы) комаров. Ночью этих мелких, невыносимых тварей было несметное множество. А выбор-то у них в плане жертв невелик: кроме нас никого из живых в это время не найдешь.

Проезжая мимо дома моей бабушки, я зачем-то надел капюшон. Боялся, что меня увидят? Нет, в это время все спят:

в окнах не горел свет. Да и смысл мне прятаться? В деревне не так много людей, шастающих по ночам. В любом случае бабушка бы узнала о моих похождениях. А дальше эта весть дошла бы и до всех остальных членов семьи. Так зачем я надел капюшон? Может, во мне на минуту проснулась совесть? Стало стыдно за то, что ночью я шатаюсь по деревне, обворовывая односельчан, с которыми завтра буду здороваться, как ни в чем не бывало. Они будут жаловаться мне, что ночью кто-то посещал без спросу их огорода и даже что-то украл! Мне это запросто могли рассказать, ведь в деревне у меня была репутация хорошего мальчика: учился в школе на пятерки, побеждал в олимпиадах, поступил на бюджет с высокими баллами по ЕГЭ. Ну разве может этот ангел ночью воровать арбузы? И все-таки мне кажется, что капюшон я надел, чтобы скрыться от бабушки, мол, это не я ночью хулиганю, меня здесь нет. Я в домике.

Ехали мы медленно, оттого казалось, что прошло много времени, хотя мы даже еще не покинули пределы деревни. «Будь у меня сейчас велосипед, я бы их уже обогнал», – подумал я. Но у меня не было велосипеда, а была реальность: я, очень медленный и шумный мотоблок, четверо попутчиков и луна. Отличная команда по опустошению огородов. Можно брать телефон и снимать сельскую версию фильма «Форсаж».

Спустя несколько минут мы подъехали к домам, расположенным на краю села. Собаки здесь не лаяли на нас, види-

мо, спали. Я начал немного завидовать им. Заглушив мотор, Дима в компании с Дюсом отправились в хату, пока я с Андреем и Колей кормил комаров на улице.

Чтобы хоть как-то скоротать время и разогреться, я начал ходить вокруг да около, то прыгая, как кузнечик, то растирая плечи руками, не забывая периодически прихлопывать присосавшихся тварей. Ничего не спасало. Андрей и Коля все также сидели в тележке. Хотя я скакал больше не от холода, а от скуки. Мне жутко надоело ничего не делать, сидя на доске, словно петух на жердочке. Я даже и не задумывался о том, чтобы спросить, чего мы ждем, ибо это было неважно. Мне нужно было только идти куда-нибудь, именно идти, а не ехать.

Спустя минут десять вернулись Дюс и Дима, причем не с пустыми руками. Оба курили, освещая все вокруг светлячками сигарет. Подойдя ближе, парни посветили нас в великий план:

– Короче, когда подъезжать будем, надо будет всем, кроме водилы вниз лечь, чтоб палева не было, а то, если толпой, сразу все понятно.

Пункт прибытия я так и не узнал, но зато теперь знал о дальнейших действиях. Картина прояснялась. Расстелив сомнительного вида клеенку, мы вчетвером расположились внизу, и только потом уже тронулись с места. Спустя пару минут мы уже находились за пределами деревни и ехали в сторону соседней деревни – Белоусовки. Дорогу я хорошо

знал, уже лет пять езжу по ней каждое лето на велосипеде. Лежали мы на спине, ногами упершись в один борт прицепа, головой – в другой. Я лежал с краю, зажав между собой и стеной канистру с бензином. Судя по тому, как она тряслась во время движения, содержимое канистры было на исходе. Чтобы она не маячила перед глазами, раздражая меня и нарушая гармонию и спокойствие ночи, я отодвинул ее в область своих ног. Слева от меня смотрел в телефон Андрей, за ним лежал Дюс, которого почти не видно было из-за маленького роста, а завершал цепочку тел Коля. Дима снова был за рулем. Дюс решил еще раз закурить, поэтому, повернув голову вправо, я наслаждался свежим и чистым воздухом, повернув влево, вдыхал табачный дым. Ни Андрей, ни Коля, ни я не курили, что Дюсу было только на руку: ему больше достанется. А то в деревне есть традиция делить одну сигарету на всех курящих, даже если их в компании десять штук. В небе подменяла солнце луна, освещая нам дорогу, так что Дима в фонарике больше не нуждался. Ехали мы, в основном молча: каждый думал о своем (хотя кто-то вообще спал). Лишь один раз мы прервали молчание, когда Дима, наехал на кочку. Четыре тела тут же подлетели в тележке и со всей силы рухнули спинами на пол. Нашему водителю прилетело в спину аж четыре матерных слова.

Оставшуюся часть пути мы провели в тишине, если не считать рев двигателя (который за эту ночь стал привычным и почти незаметным для нашего слуха). Не знаю, сколько

времени занял у нас путь, но, как только на горизонте появился конкурент луны – фонарь (вестник цивилизации), мы оживились.

– Где это мы? – спросил Андрей.

– Белоусовка, – ответил я.

– Опустите головы, парни, – напомнил Колян.

Опустившись еще ниже, на дно телеги, мы стали ждать остановки. Все тело затекло, хотелось уже на волю. Места было мало, поэтому всю дорогу приходилось лежать в одной и той же позе. На удивление я не слышал лая собак: это радовало и пугало.

– Приехали, – Дима заглушил мотор, – выгружаемся.

Вокруг нас не было домов, они лишь виднелись вдалеке. Видимо, мы свернули с главной дороги. Справа от телеги стояли, хотя нет, скорее полулежали старые, напрочь сгнившие, деревянные ворота. С другой стороны росла высокая трава, за которой виднелся еще один забор.

Спрыгнув на землю, мы для начала развернули мотоблок, чтобы не тратить на это время на обратном пути. Парни взяли из прицепа мешок, и пошли по тропинке, ведущей к воротам. Я же стоял возле телеги и решал: пойти с ними или охранять транспорт? Но мои размышления прервал Дюс:

– Антоша, ты с нами или сторожишь?

– Да пусть с нами идет, – ответил за меня Андрей, – нечего одному оставаться.

Ну, с вами, так с вами. Я побежал догонять свою делега-

цию и настиг их уже у ворот. Ворота уже несколько лет от старости клонило к матушке земле, поэтому перелезть через них было довольно легко. Дождавшись всех, мы отправились дальше, шагая по высокой и мокрой траве. Я немного отставал, поэтому периодически сменял ходьбу на бег, сокращая дистанцию. Хорошо, что я был в самом конце колонны, парни передо мной уже примяли ногами всю траву. Мы шли прямо, пока не уткнулись в забор, затем свернули налево. Пройдя метров пять, мы остановились возле небольшого куста. Справа нам открывался вид на полный плодами огород: охота удалась. А самое приятно то, что на этот шведский стол вход был бесплатным (и незаконным). Дюс руками начал опускать вниз колючую проволоку на заборе, пока остальные перешагивали на другую сторону. Оказавшись в огороде, мы начали его грабить.

– Стойте, – сказал Колян, когда мы приблизились к кукурузе, – там могут быть капканы.

Логично. За огородами располагался лес, поэтому, помимо подростков, в чужие владения часто вторгались и лесные жители, например, лисы, барсуки и прочие. Больше всего барсуки любили лакомиться кукурузой, о чем не раз мне рассказывала бабушка. Поэтому капканы в огородах – дело обычное.

Кстати, я вспомнил, что буквально сегодня утром, бабушка показывала у себя на огороде большие, вырытые кем-то ямки небольшой глубины.

– Ну, вот кто мог такие ямы вырыть? – спрашивала бабушка. – Определенно зверь какой-то.

К слову, я и сам как-то раз видел барсука. Однажды я ехал на мопеде со своим братом, а тут прямо перед нами барсук дорогу перебежал, небольшой, размером, ну, чуть больше мопса. Лично я всегда представлял барсуков крупнее. Бежал он из соседнего огорода в лес, видимо, пообедать приходил.

Коля, Дюс и Дима отправились выбирать арбузы и дыни. Надо сказать, что тут есть особый ритуал: Дюс подходил к арбузу и сначала рассматривал его со всех сторон, то так повернет, то эдак, потом стучит в нескольких местах короткой дробью, раз-два, словно дятел, при этом во время всего обряда с его лица не сходил серьезный взгляд арбузного эксперта. И только после всего этого делал выбор: достоин ли арбуз наших животов или мы заедем за ним через недельку. Если годен, то Дюс тут же отдавал команду складывать арбуз в мешок. Дима и Коля тоже стучали по арбузам, но менее пафосно и без взгляда арбузного эксперта. Мы же с Андреем уже набивали свои животы: каждый съел по две помидорки. Жить стало веселее.

– Андрей, выключи свой фонарик на телефоне, – сказал Колян, – а то он очень ярко светит.

В метрах ста от нас находился дом, в котором сладко спали хозяйева огорода. Утром они, матерясь, будут размахивать руками и подсчитывать убытки. А ведь, если подумать: в этом доме, скорее всего, живут пожилые люди, по возрасту

равные нашим бабушкам. Каждый день они с самого раннего утра выходят в огород и работают. Обливаясь потом, искупанные комарами и мошкой, грязные. И так из года в год. У них маленькая пенсия, а в магазине большие цены, поэтому домашнее хозяйство – основной способ выживания в этом мире. Они трудятся, гнут спины, а ночью приезжают пять каких-то пацанов с мешками и пакуют все то, что они делали своими руками. Может, они выращивали эти арбузы для своих детей, внуков, чтобы потом их накормить и самим поест. Представляли, как будет рада ребятня покушать вкусный, сочный арбуз. Разве они могли предположить, что вместо любимых внуков их арбузы будут есть ночью грязные, чумазые пацаны с соседней деревни? Вот так спокойно, без разрешения, без какого-либо волнения мы зашли на чужой огород красть чужую собственность. Как к себе домой. Мне кажется, нашей наглости просто не было предела. Мы бы еще через калитку бы зашли, а то через заборы лазаем.

Я начал думать, какой у нас план на тот случай, если хозяин огорода придет. А у нас вообще был такой план? Мне кажется, каждый из нас старался не думать об этом, надеясь на лучший исход. По крайней мере, каждый из нас быстро бегал. Ну, а пока наша банда набивала себе карманы и мешок едой, чтобы потом этой же едой набить себе брюхо.

От нечего делать мы с Андреем присели, чтобы не шуметь и не высовываться, и стали наблюдать за окнами в доме. В случае чего, каждый из нас был готов совершить внеплано-

вую пробежку. Арбузы и дыни – задача Дюса, Коли и Димы. Мы же в это время отсиживались на корточках, хлопая по телу комаров и жуя помидорки.

– Пойдем еще по помидору захаваем, – предложил я Андрею и, встав, начал обходить стороной участок земли, засеянный кукурузой.

– Не, сам иди, там капканы.

– Не тупи, капканы в кукурузе, а не вокруг. Дай мне фонарик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.